

Л. В. Куркина

НАЗВАНИЯ ГОРНОГО РЕЛЬЕФА
(на материале южнославянских языков)

Термины географического ландшафта представляют важную часть лексики, исследование которой в ретроспективном плане может дать интересную информацию об историко-географических условиях жизни славян в разные моменты их исторического развития. Весьма ценен и поучителен этот лексический материал в комплексном исследовании проблем этногенеза южных славян. Одним из основных здесь является вопрос об исконной этнической принадлежности славян, которые к VII в. колонизировали Балканский п-ов и положили начало сложным этническим процессам, формированию языков, национально-политических объединений, самостоятельных государств. Вопрос о том, какие из диалектов праславянского языка лежат в основе ю.-слав. языков, решается двояко. Традиционная теория связывает южных славян с антами, предками восточных славян¹. В последние годы в польской лингвистике активно разрабатывается идея первоначальной близости западных и южных славян². В этногенетических построениях образование ю.-слав. языков представляется в виде постепенного отпочкования от общего ствола-основы, каким является праславянский, новой ветви, получившей самостоятельное развитие. Такое представление, как уже отмечалось в литературе, страдает прямолинейностью и односторонностью и отражает еще не изжившую себя шлейхеровскую теорию родословного древа. Реальные конкретно-исторические процессы протекали, видимо, сложнее и многообразнее. Однозначное решение не объясняет во всей полноте первоначальную лингвистическую карту Балканского пол-ва. Интенсивные исследования славянской лексики в плане этимологизации и реконструкции праславянского лексического фонда формируют новые представления о взаимоотношениях диалектов в рамках языка-основы и свидетельствуют скорее об этнической неоднородности славянских миграций. В работах последних лет все более определенно утверждается мысль, что

¹ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, § 11—12.

² Ср. для примера: *Stieber Z. W sprawie pierwotnego podziału dialektańskiego języka prasłowiańskiego*. — In: *Symbolae linguisticae in honorem J. Kuryłowicza*. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1965, c. 304—308; *Nalepa J. Słowiańska północno-zachodnia. Podstawy i jej rozpad*. Poznań, 1968.

миграции славян осуществлялись не единими монолитными потоками, а объединениями однородными или этнически смешанными³. Языковая и культурная монополия славян на Балканах утверждается в ходе ассимиляции, постепенного поглощения местного населения, в процессе взаимодействия, вторичного сближения отдельных диалектов в более крупные объединения. В настоящем и прошлом не совпадают лингвистические и географические границы ю.-слав. языков. При реконструкции изначального состояния принципиальное значение, по мысли И. Поповича, имеют два фактора: 1) отделение от основного ю.-слав. массива северной Паннонии в результате венгерской экспансии и включение в сферу влияния западнославянских языков среднесловацких диалектов, южнославянских по происхождению; 2) сближение с ю.-слав. языками северославянских диалектов: словенизация на севере современной Словении чешских диалектов и сербизация восточнославянского карашевского диалекта на территории западной Румынии⁴. В плане этногенеза решается проблема классификации ю.-слав. континуума. Двум волнам славянских миграций соответствует противопоставление северо-западных диалектов — хорватскосербско-словенских — юго-восточным болгаро-македонским⁵. Нет единого мнения в понимании вопроса о времени возникновения тех диалектных различий, которые характеризуют северо-западную часть ю.-слав. области. Одни полагают, что словенско-кайкавско-чакавское единство существовало уже в праславянскую эпоху, другие связывают формирование его со временем переселения на новую родину⁶. В этногене-

³ Трубачев О. И. Ранние славянские этнопимы — свидетели миграции славян. — ВЯ 1974, № 6, с. 48—67. В самое последнее время см.: Шустер-Шеец Х. Язык лужицких сербов и его место в семье славянских языков. — ВЯ 1976, № 6, 70—86.

⁴ Popović I. Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960, гл. I, § 13—16; гл. IV, § 67.

⁵ В формировании противопоставления западной и восточной частей ю.-слав. языков придается решающее значение разным факторам. Старая теория Копитара и Миклошича, в свое время отвергнутая Ягичем, объясняет расщепление ю.-слав. языков хронологическим различием двух волн славянских миграций на Балканы. Первое славянское население, осевшее на Балканах, состояло из «словенских» и «болгарских» племен, затем оно было разделено и оттеснено на западную и восточную периферии более поздним потоком «сербохорватских» племен. Ван-Вейк особо выделял географический фактор. Различное развитие западной и восточной областей он объяснял существованием широкой субстратной зоны с романским населением. Раздел ю.-слав. области связывают и с действием субстрата — греческого, романского. Попович относит деление на две зоны еще к праславянской эпохе. См.: Popović I. Op. cit., гл. VI.

⁶ Положение об общности словенских, кайкавских и чакавских диалектов и противопоставленности их штокавскому диалекту еще в праславянский период подтверждают А. Белич. (*Belić A. Les rapports mutuels du serbo-croate et du slovène.* — RÉS 1921, I, p. 20—27), Ф. Рамовш (*Ramovš F. Über die Stellung des slovenischen im Kreise der slavischen Sprachen.* — Annales Academiae scientiarum fennicae. Ser. B, t. XXVII, S. 218—238),

тических построениях остается много спорных и нерешенных вопросов.

В интерпретации исторической динамики языковой карты большое значение имеет изоглоссный метод. Распределение региональных лексико-семантических изоглосс внутри и за пределами ю.-слав. пространства дает некоторые основания для выводов о древнейших отношениях и составе племен, осваивавших Балканский пол-в. В диахроническом плане любой набор изоглосс требует дифференцированного подхода. В общей сумме изоглосс, составляющей характеристику того или иного языка, наряду с явлениями древними, обусловленными генетическим родством, всегда присутствуют и такие черты, которые возникли в условиях временных языковых союзов и отражают контакты с соседними языками и диалектами⁷. Характеристика изоглосс новых и старых зачастую сопряжена с большими трудностями, и теоретически открытой остается возможность независимого параллельного развития. Противопоставление двух диалектных зон — западной и восточной — на ю.-слав. территории предстает в виде сложного соотношения разнонаправленных изолекс с разной географией северославянских продолжений. Перед исследователем стоит задача отбора значимых, выразительных изолекс и выявления природы лексических сходств, поскольку они могут определяться разными историческими причинами. Так, устанавливаемый ряд кашубско-болгарских изоглосс говорит о существовании древних связей диалектов лехитской и болгаро-македонской групп. Продолжения этих изоглосс в балтийских языках свидетельствуют о том, что предки болгар и македонцев занимали северную часть праславянской территории, а их ближайшими соседями были балтийцы и предки поморян и поляков⁸. Широкая полоса изоглосс, связывающая западную латеральную зону восточнославянских языков, Карпаты и частично ю.-слав. языки, интерпретируется как отражение славянских миграций в южном направлении⁹. Словенско-западнославянские изоглоссы, по мнению З. Штибера, доказывают, что «предки словенцев пришли

Ф. Славский (*Славски Ф.* Взаимоотношенията между южнославянските езици. — БЕ 1956, VI, 2, с. 7—15), И. Попович (*Popović I.* Op. cit., гл. VII).

⁷ Разграничение двух типов изоглосс, обусловленных спонтанными изменениями и контаминацией языков, находим в работе В. М. Жирмунского «О некоторых проблемах лингвистической географии» (ВЯ 1954, № 4, с. 3—25).

⁸ Берништейн С. Б. К изучениюпольско-южнославянских языковых связей. — В кн.: *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 5. Warszawa, 1965, с. 33—36; *Popowska-Taborska H. Z problematyki badawczej nawiązań leksykalnych (na materiale karzubsko-południowosłowiańskim)*. — RS XXXVI, 1, с. 3—16; Там же литература на эту тему.

⁹ Толстой Н. И. Об изучении полесской лексики. — В кн.: *Лексика Полесья*. М., 1968, с. 12—18; Берништейн С. Б. Интерференция языков карпатского ареала. — В кн.: *Балканские исследования. Проблемы истории и культуры*. I. М., 1976, с. 202.

на юг из Моравии или Чехии»¹⁰. И Попович отделяет собственно словенский от северо-западного словенского диалекта, который, как он думает, первоначально входил в чешскую область и позднее юнославянанизировался¹¹. Существует мнение, что население Паннонии, вытесненное венграми, было по преимуществу славянским, оно говорило на диалектах, переходных между протословакским (или «моравским») и протословенским. В древней Паннонии севернее Балатона преобладал протословакий диалект, а южнее и юго-западнее была представлена ранняя форма словенского¹². Положение о западнославянской основе словенского языка остается дискуссионным и имеет своих сторонников и противников¹³.

В настоящей работе делается попытка установить основные направления ю.-слав. изолекс на материале географических названий, а точнее на материале небольшой семантически ограниченной группы названий холмов, гор и горных ущелий, перевалов. Названия горного рельефа занимают особое положение в общей лексической системе славянских языков прежде всего потому, что этот слой лексики в значительной своей части формируется в новых географических условиях жизни на Балканах. Славяне,

¹⁰ Штибер З. О древних словенско-западнославянских языковых связях. — В кн.: Русское и славянское языкознание. М., 1972, с. 309.

¹¹ Popović I. Op. cit., гл. I.

¹² Birnbaum H. Common Slavic. Progress and Problems in its Reconstruction. Michigan, 1975, p. 12—13.

¹³ Ramovš F. Über die Stellung der Slovenischen, S. 232. «Мы должны сказать, что движение западных и южных славян из праславянской родины проходило совершенно независимыми путями, что западная ветвь южных славян не имела на своем пути никаких контактов с чехами, в результате альпийские славяне оказались связующим звеном между западными и южными славянами». По Рамовшу, южные славяне продвигались в северо-западном направлении от устья Дуная.

В самое последнее время идею исконных словенско-чешских связей развивает Х. Василев. Однако приведенный им материал не вызывает доверия прежде всего потому, что очень неопределены принципы отбора лексических соответствий. Список исключительно чешско-словенских лексических соответствий составлен в основном на материале современных литературных языков без учета диалектных и исторических данных. Так, словен. *deber* ‘овраг’ и чеш. *debř* подаются как лексемы, не имеющие продолжений в сербохорватском, но при реконструкции изначальных отношений важно учесть ст.-серб. *debri* мн. ‘лощина, овраг в лесу’, местное название *Dabar*, производное *дабрина* ‘густая тень, прохлада’ (ЭССЯ 5, с. 176), а также ст.-слав. *дъбръ* и т. д. См.: Vasilev Chr. Slovenisch und Westslavisch. — In: Slavistische Studien zum VII Internationalen Slavistenkongress in Warschau 1973. München, 1973, S. 526—541; Он же. Möglichkeiten und Grenzen in der Erforschung der urslavischen Wortgeographie am Beispiel lexikalischer Übereinstimmungen zwischen Serbokroatisch und Westslavisch. — WsIJb 1975, 21, S. 280—289. — Таким образом, серьезные методические просчеты почти полностью обесценивают материалы, отобранные для подтверждения теории изначальных словенско-западнославянских связей. Заметим, что нет четкости и ясности в постановке самой проблемы западно-южнославянских отношений.

иско́нные жители равни́н¹⁴, спустившись на юг, столкну́лись с необходи́мостью освоения больших горных мас́сивов. Путь им преграждали карпатские горы, протяну́вши́еся более чем на 2 тыс. км. Колонизаци́и Балканского п-ова, по всей видимости, предшествовал длительный период оживленных торго́вых связей севера, Балтийского моря с югом, Средиземноморьем. Славяне передви́гались по известным им путям древних торго́вых отноше́ний, по доли́нам рек, горным ущельям, в обход гор и через пере́валы¹⁵. Смена географической среды в процессе миграции, осо́бенности природных условий Балканского п-ова яви́лись тем внешним фактором, который определил становление и развитие горной термино́логии. Основная часть «горной» лексики — это семантические инновации эпохи славянских миграций, сложивши́еся на основе переосмыслиния унаследованного славянского материала. Ю.-слав. периферия наряду с инновациями даёт не́мало примеров сохранения архаичных лексем в их первичном значении: ср. с.-хорв. *брѣг* ‘холм, возвышенность’, польск. *brzeg* ‘берег’~нем. *Berg* ‘гора’; с.-хорв. *стѣна* ‘скала, большой камень’, польск. *ściana* ‘стена’~нем. *Stein*¹⁶. Характерные для ю.-слав. области пучки лексико-семантических изоглосс в известной сте́пени могут служить показателем славянских миграций в период заселения Балканского п-ова и Восточных Альп, вместе с тем в ретроспективном плане они позволяют составить некоторое представление о том, как проходило формирование лингвисти́ческой карты на Балканах.

* * *

Ю.-слав. названия горного ре́льефа в самом общем виде объединяются в две группы лексико-семантических изоглосс, одна из них характеризует северо-западную часть, другая — юго-восточную. Обе диалектные зоны четко выражены, хотя, естественно, и не имеют резкой границы. И явления типично восточные обнаруживаются продолжения в западной области и наоборот. Внутри диалектных зон существуют узко локальные регионализмы с разными соотвествиями в северославянских языках.

¹⁴ В рамках данной работы мы лишиены возможности разбирать вопрос о про-странственно-временной локализации славянской прародины. Скажем лишь, что мы исходим из теории, помещающей прародину славян в бас-сейне Западного Буга и среднего течения Днепра. См.: Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 62—66.

¹⁵ Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы, с. 50—51.

¹⁶ Мартынов В. В. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогео-графического изучения Припятского Полесья. Советское славяноведение 1965, № 4, с. 78; Он же. Лексические архаизмы на южнославянской язы-ковой периферии. — В кн.: Ареальные исследования в языкоznании и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этнографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы. 10—12 февраля 1975». Л., 1975, с. 23—24.

В восточной части ю.-слав. языков особого внимания заслуживают изолексы, для которых характерна тесная связь с карпатской диалектной зоной. Карпаты явились областью длительного пребывания славян, здесь складываются общие элементы в лексике, получившие широкое распространение в результате интенсивных межъязыковых контактов, связанных с условиями жизни и быта карпатского населения. Основным занятием населения было земледелие и отгонное скотоводство. Пастушеские племена сыграли немалую роль в распространении карпатизмов на смежной территории. Карпатизмы обнаруживают соответствия в восточной части ю.-слав. языков, некоторые из них имеют продолжения в северо-западных говорах русского языка. Общие особенности этой диалектной зоны формируются под воздействием общего субстрата и в результате языковой интерференции¹⁷. По наблюдениям Иллича-Свитыча¹⁸, значительная часть географической терминологии складывается в период карпатской миграции славян. Древние славянские основы получают географическое значение в украинских говорах Карпат, в прилегающих к ним диалектах западно-славянских языков и нередко в восточной части ю.-слав. языков. К горным терминам карпатского ареала Иллич-Свитыч относит слав. **dělъ* (ср. болг. *дял* 'холм', с.-хорв. *dlo* то же, укр. гуцул. *dił* 'горная цепь, хребет' и т. д.), **perslopъ* (ср. ст.-серб. *prëslopъ* (с XIV в.) 'седловина', болг. *préslap* то же, словац. *prišlop* и т. д.). В их число входит и основа **kyčera*, производная от **kyka* и связанная, по всей видимости, чередованием с **kuka*. Этую основу представляют болг. диал. *кичера* 'склон с густым молодым лесом, который подходит к лугам и нивам' и название конусообразного возвышения, покрытого группами деревьев, *Кичер*, *Кичера*¹⁹. В сербохорватском наличие этого термина подтверждают горные топонимы *Kičer*, *Kicer*, *Kičelj*²⁰. В украинском это апел. *кічера* 'гора, покрытая лесом, кроме вершины', 'крутая гора, поросшая лесом', 'вершина горы', гуцул. *кічера* 'гора'²¹, бойк. *кіч'ира=čira*, *кічера* 'гора, холм, крутой холм, поросший лесом'²² и названия многих вершин в Карпатах — *Kyczera*, *Kyczara*, *Kyczerky*²³. В западных языках эту основу продолжают морав. *kyčera* 'холм', словац. *kyčer* 'крутый

¹⁷ Бернштейн С. Б. Проблемы карпатского языкознания. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 3—15.

¹⁸ Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян. — Изв. ОЛЯ, 1960, XIX, 3, с. 222—231.

¹⁹ Заимов Й. Местните имена в Пирдопско. София, 1959, с. 185; Ковачев Н. П. Местните назования от Севлиевско. София, 1961, с. 16.

²⁰ Bezlaj F. Slovenska vodna imena. I. Ljubljana, 1956, с. 317.

²¹ Марусенко Т. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). — В кн.: Полесье. М., 1968, с. 231.

²² Онышкевич М. Словарь бойковского диалекта. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 328.

²³ Stieber Z. Toponomastyka Lemkowszczyzny II. Nazwy terenowe. Łódź, 1949, с. 43—44.

голый холм', др.-луж. *kyčera* 'wohl Berg' ²⁴. По всей видимости, слав. **kyčera* не заимствовано из румынского (ср. рум. *chiceră* 'холм, бугор'), как полагали некоторые исследователи ²⁵, а является исконным образованием, распространившимся на смежной территории Карпат.

К числу терминов, отлично характеризующих восточную часть ю.-слав. языков, относятся обозначения крутого склона горы, пропасти основами **irgъva*, **irgъvina*, родственными **gъvati*, **rovъ*. Это — с.-хорв. *ûrvina* 'крутой склон горы' и *Urvina*, название горы ²⁶; болг. *ûrva* 'долина между крутыми высокими горами', троян. *ûrve* 'крутой склон', севлиевск. *Urva*, название места с крутыми склонами, *Uров дол* 'пастбище' ²⁷, макед. *urvište* 'пропасть' и топ. *Urvishte* ²⁸. Им точно соответствуют. укр. *ûrvîšče* 'круча, пропасть', 'глубокий овраг', *ûrov* 'ущелье с нависающими скалами', *urovi* 'пропасти, обрывы', *urovîšče* 'пропасть', 'крутой склон горы' ²⁹, польск. *urwisko*, *urwa* 'обрыв, утес' ³⁰, чеш. *urvisko*, *urva* 'обрыв' ³¹. Словен. *rôv*, *rovîšče* отмечено в значении 'яма' ³².

Восточный ареал характеризуют и образования с корнем **tъk-/*tyk-* (ср. **tykati*, **smukati*) в значении 'горное ущелье, узкий проход в горах': ср. с.-хорв. *smäk* 'пропасть' ³³, болг. *pir-dop*. *Горната Промка* (Стара-Планина) при апел. *промкъ* 'узкий проход среди скал' ³⁴, укр. *vîsmik* 'возвышение на дороге', 'невысокая горка, холм', 'холм в лесу, заросший деревьями' ³⁵, чеш. *prûstyk*, устар. *prostyk* 'ущелье', 'проход в горах' ³⁶, в.-луж. *přesmyk* 'лаз, лазейка' и 'перевал', 'горное ущелье' ³⁷.

Не достигает западной окраины ю.-слав. территории сложение **čeloperekъ/*čelopokъ* с общим значением 'крутой склон горы, обращенный к солнцу': с.-хорв. *diyal. čeloprek*, болг. *Челопечане*, село (с XVI в.), укр. *чолопок* 'вершины горы' (Житомир., Хмельниц., Тернопол. обл.) ³⁸, макед. *челопек* ³⁹.

²⁴ *Macheck*², с. 313.

²⁵ *Hrabec St. Nazwy geograficzne Huculszczyzny*. Kraków, 1950, с. 38—39.

²⁶ *Карації*, с. 813; *Schütz J.* Op. cit., S. 31.

²⁷ БТР; *Ковачев Ст.* Троянският говор — БД IV, с. 229; *Ковачев Н. П.* Местните названия от Севлиевско. София, 1961, с. 270.

²⁸ *Пјанка Вл.* Топономастиката на Охридско-Преспанскиот базен. Скопје, 1970, с. 154.

²⁹ *Марусенко Т.* Указ. соч., стр. 252—253.

³⁰ Варшавский словарь VII, с. 353—354.

³¹ *Kott IV*, с. 417.

³² *Pleteršnik II*, с. 439—440.

³³ *RJA XV*, 65, с. 661.

³⁴ *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 143; *Ковачев Н.* Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиевско. — БД V, с. 35.

³⁵ *Марусенко Т.* Материалы к словарю украинских географических апеллятивов, с. 221.

³⁶ *PSJČ IV*, с. 1335.

³⁷ *Трофимович К.* Верхнелужицко-русский словарь. М., 1974, с. 220.

³⁸ ЭССЯ, вып. 4, с. 47.

³⁹ *Пјанка Вл.* Указ. соч., с. 154.

Отдельные горные термины, сложившиеся в Карпатах, потоки славянской миграции перенесли на запад в район Восточных Альп. В недавнее время К. Гутшмидт обратил внимание на наличие лексических связей словенского языка и карпатоукраинских говоров⁴⁰. В сфере географической терминологии подтверждением этих связей является общее для всей указанной территории обозначение горы, холма основой **bъrdo* (перв. название ткацкого станка): ср. словен. *bъrdo* 'холм'. Характерное для карпатской зоны различие в семантике слов **gora* ('самая высокая точка местности' → 'горный лес') и **polnina* ('голое пространство в лесу' → 'безлесная вершина') наблюдается и в словенском: ср. словен. *planica* 'безлесное пространство в горах', *planina* 'безлесная гора; пастбище в горах'. Нет необходимости в подробном рассмотрении этого материала, поскольку он хорошо изучен и систематизирован в литературе⁴¹. Добавим, что в состав карпатско-южнославянских изоглосс входит и слав. **kuka* в качестве горного термина. В сербохорватском эту основу представляют *kukalj* 'высокое плато' (Задар) и горные топонимы *Kučer*, *Kučaj*⁴², в болгарском — *Кұкувица*, название обширного голого холма⁴³, в украинском — *кучка* 'небольшая насыпь'⁴⁴. Зап.-слав. языки сохраняют многочисленные топонимы и гидронимы с этой основой: ср. польск. *Kuczek*, *Kuczka*, слвц. гидр. *Kučin*. В словенском названия горного хребта *Kuk*, *Kukársko brdo*, горные топонимы *Kuk* (община Толмин), *Kučer* (Подземель)⁴⁵ со всей определенностью говорят о существовании в прошлом апеллятива **kuka* со значением 'неровная, изогнутая гора'. Небезынтересно, что тот же семантический сдвиг 'крюк, изгиб' → 'бутор, холм' отражают родственные образования в балтийских и германских языках: ср. лит. *kaikaras* 'холм, бугор', др.-исл. *haugr* 'холм'⁴⁶. Как видим, часть семантических инноваций карпатского периода жизни славян по мере освоения Балканского п-ова распространяется в западном направлении⁴⁷.

Однако далеко не все славянские племена надолго задержались в Карпатах. Часть славян двинулась в обход Карпат через Нижне-Валашскую низменность и заселила Мизию, Фракию,

⁴⁰ Гутшмидт К. К карпатоукраинско-южнославянским лексическим параллелям. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975, с. 202—210.

⁴¹ Иллич-Свитич В. М. Указ. соч., с. 222—227.

⁴² Schütz J. Op. cit., S. 22, 26.

⁴³ Заимов Й. Местните имена в Пирдопско, стр. 198.

⁴⁴ Марусенко Т. Указ. соч., с. 234.

⁴⁵ Bezljaj F. Slovenska vodna imena I, с. 317; Krajevni leksikon Slovenije I. Ljubljana, 1968, с. 206, 410.

⁴⁶ Фасмер II, с. 404.

⁴⁷ Заметим, что семантические сдвиги в языках и диалектах карпатского ареала имели место и в более позднее время после ухода славян на Балканский пол-в (ср. **dъbrъ/*dъbrъ* и **obъlazzъ*). См.: Клепикова Г. П. Из карпатоукраинской терминологии горного ландшафта. — Вопросы географии 1970, № 81, с. 60—70.

Родопы, Македонию. Об этом свидетельствует узко локальный характер многих географических названий в восточной части ю.-слав. языков. Среди них унаследованный от праславянской эпохи диалектизм **golma*, его представляют болг. *glāma* ‘большая скала’ (сев.-зап.), ‘гора, голая вершина’, название горы *Гламя*⁴⁸, с.-хорв. *glāma* ‘голая каменистая гора, скалистая вершина горы’, *Glama* как название сел, холмов (вост. Сербия) и каменистого ущелья⁴⁹. Сербские и болгарские лексемы известны лишь в географическом значении, предполагаемое для них русское соответствие *голбя* семантически далеко отстоит, ср. ‘часть дерева без сучьев’, ‘обнаженная сабля, клинок’, ‘открытое море, определенное расстояние от берега’⁵⁰. Семантические расхождения у основ **golma*, **gol-men-*, соотносительных с **golъ*, могли наметиться еще в праславянских диалектах и углубиться в их дальнейшем развитии. Праславянской эпохой датируется, видимо, и регионализм **kreъzъ*, ограниченный в своем распространении диалектами болгарского и македонского языков: ср. болг. ботевград. *kreиц* ж. р. ‘скалистая возвышенность, заросшая кустарником и мелким лесом’, *krъsh* ‘пологий склон’ (севлиевск.), ‘голый крутой склон, осткая каменистая вершина’ (пирдоп.), ‘каменистая земля’⁵¹. Близкие лексико-семантические соответствия представляют лишь русские диалекты: ср. рус. *кряж гор* ‘гряды гор, хребет, цепь’, *кряж* псков. ‘обрыв берега’, олон. ‘гора, скала, возвышенный берег’⁵². Примером локальной инновации более позднего времени, а точнее эпохи освоения Балкан, может служить использование термина ткачества **bidlo* в качестве обозначения горы в восточной части ю.-слав. языков: ср. болг. диал. *býlo* ‘гребень горы, горный хребет’, ‘вершина горы, холма’, макед. *bilo* ‘гребень горы’, с.-хорв. *býlo* ‘гребень горы’, в Шумадии *bila* ‘montis genus’, также *rđobilje* ‘гребень горы’, ‘место, где горный склон круто обрывается’, далее топонимы *Pobilje*, *Zabilje* (вблизи Сараева), болг. *Билото*, чеш. *Bydlin*⁵³. Все признаки местного образования имеет и обозначение горы основой **vъrtl-*: ср. болг. *върл* ‘крутой’, *върлак* ‘стремнина’ и многочисленные топонимы⁵⁴, макед. *врлина* ‘стремнина’⁵⁴ и с.-хорв. диал. *vr'lët* то же⁵⁵; видимо, сюда же укр. *Говерла*,

⁴⁸ БЕР I, с. 246; Заимов Й. Местните имена в Пирдопско, с. 140.

⁴⁹ РСА III, с. 315; RJA XII, 1, с. 147; Schütz J. Op. cit., S. 21; ЭССЯ, 6, с. 206.

⁵⁰ Фасмер I, с. 431; Филин 6, с. 319.

⁵¹ Григорян Э. А. Словарь местных географических терминов болгарского и македонского языков. Ереван, 1975, с. 108.

⁵² Варбот Ж. Ж. Заметки по славянской этимологии. — В кн.: Этимология. 1970. М., 1972, с. 71—72; Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969, с. 120—122.

⁵³ ЭССЯ, вып. 2, с. 94—95; Schütz J. Op. cit., с. 26; Skok I, с. 162; Smilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Praha, 1970, с. 39 (относит сюда же русск. топ. *Билово*).

⁵⁴ БЕР I, с. 211; Видоески Б. Кумановскиот говор. Скопје, 1962, с. 250.

⁵⁵ Schütz J. Op. cit., S. 32.

название горы в Карпатах⁵⁶. К числу балканских инноваций следует отнести, по всей видимости, и образования с корнем *boj- в функции горного термина: ср. болг. диал. *прибой* 'крутой берег' и название гребня гор *Разбой*, *Прибовица* (Пирдоп)⁵⁷, с.-хорв. название горы *Pribojac* (Герцеговина)⁵⁸.

* * *

Свою специфику в распределении географических названий имеет западная часть ю.-слав. языков. Восточные Альпы и Западные Балканы осваивались в основном паннонскими славянами и племенами, двигавшимися с востока. Лингвистическая общность словенского и кайкавского, чакавского, штокавского (западного) диалектов сербохорватского языка проявляется и в сфере лексики. Здесь находим ряд «горных» терминов, неизвестных остальным ю.-слав. языкам. Основную часть их составляют семантические инновации, обнаруживающие тенденцию к распространению на смежные территории в северном и восточном направлении. К семантически новому слою лексики эпохи переселения и освоения новой родины относится, видимо, общеславянская основа *kъlkъ (ср. русск. *колк* 'костяной комель под рогом коровы или быка', болг. *кълка* 'бедро' и т. д.)⁵⁹ в географическом значении. В функции горного обозначения эта основа выступает лишь в западной части ю.-слав. языков и не имеет семантических соответствий в северославянских языках. В сербохорватских диалектах находим *kük*, *kük* в значении 'большой камень, утес, скала' и топоним *Kük* (Милна, Брач), название высокого места (с 1144 г.)⁶⁰. Несколько шире в географическом значении представляют основу *kъlkъ словенские диалекты: ср. словен. *kòlk*, *kòlk* 'выступ скалы, вершина горы, холм', горные топонимы *Kolk*, *Kovk*, *Kok*, *Kuk*⁶¹, резьян. *kolk*, *ku:k* 'небольшая гора, холм', терск. *kòlk* 'гора' и название возвышенной местности⁶². Эта семантическая инновация проникает и на восточную территорию: ср. болг. страндж. *кълка* 'холм' при общеупотребительном 'бедро', 'поворот дороги, излучина'⁶³. К поздним новообразованиям принадлежит, видимо, и географическое переосмысление

⁵⁶ Трубачев О. Н. Заметки по этимологии некоторых нарицательных и собственных имен. — В кн.: Этимология 1971. М., 1973, с. 85.

⁵⁷ Заимов Й. Местните имена в Пирдопско, с. 238, 241.

⁵⁸ RJA X, 50, с. 815.

⁵⁹ Фасмер II, с. 291—292.

⁶⁰ RJA V, с. 753; Skok II, с. 225.

⁶¹ Pleteršnik I, с. 424; Badjura R. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953, с. 122 (с указанием, что Плетершник не совсем точно дает значение 'der Felsvorsprung', 'die Klippe', правильнее 'der Hügel, Kegel'); Bezljaj F. Slovenska vodna imena I, с. 271—272.

⁶² Kronsteiner O. Die Toponymie des Resia-Tales. — WslJb 1975, XXI, S. 129; Бодуэн де Куртенэ. Словарные материалы. Архив АН СССР, ф. 102, оп. 1, № 8, 11, л. 115, 151, 166.

⁶³ Григорян Э. Указ. соч., с. 112.

строительного термина **selme*⁶⁴ на смежной территории западных и южных славян. В ю.-слав. языках эту основу в функции «горного» термина представляют с.-хорв. *sljeme* ‘вершина горы’, ‘холм’, топ. *Sleme*, название высокой горы вблизи Загреба⁶⁵, словен. *sléme* ‘горный хребет’, ‘гребень горы’⁶⁶. Семантическое изменение ‘брус, перекладина’ → ‘гребень горы’ отражают и западнославянские языки: словац. *slemeno* ‘горный хребет’, *Slemä*, название горы, чеш. *slemě* ‘гребень горы’ и *Slemeno*, польск. *Slemień*⁶⁷. Результатом интерференции является, видимо, и макед. диал. *sléme* ‘гребень горы’⁶⁸. Локально ограничено обозначение горного перевала основой **-voj-/ *vij-*, родственной гл. **viti*. В с.-хорв. это *prèvija*, *prijevoj*, *prévoj* ‘перевал в горах’, ‘седловина’, топонимы *Previja*, *Previjica*, *Prevoja*, название горы в Шумадии, *Prevojica*, гора в Сербии, *Pòvija*, село и гора в Черногории⁶⁹. В словенском «горное» значение отражают топонимы *Prevóje*, название селения на грбне горы, *Prevóje pri Šentvidu* (община Домжале)⁷⁰. Семантическая инновация проникает и в Охридско-Преспансскую область: ср. макед. *превој* ‘перевал’⁷¹ при болг. диал. *привој* ‘ремень, соединяющий ярмо с ручкой плуга’⁷².

В западной части ю.-слав. языков представлены и древние обозначения горного рельефа, унаследованные, по всей видимости, еще из праславянской эпохи. Наличие лексико-семантических соответствий для них в той или иной части северославянского мира весьма значимо для понимания этногенетических процессов. Праславянский диалектизм **kolnъьсъ*, ограниченный по преимуществу словенскими, хорватскими, кайкавскими диалектами, родствен лит. *kalnas*, лтш. *kalns* ‘холм, гора’. В болгарском эта основа выступает с суффиксом *-ik-* *кланик* в значении ‘пространство между очагом и стеной’⁷³. Строго географическое значение имеет лишь основа **kolnъьсъ* на самой западной периферии ю.-слав. территории: ср. с.-хорв. *klánac=klánäc=klänac* ‘ущелье, узкий тесный проход между горами’, хорв.-кайк. топ. *Klanjec* (Загорье)⁷⁴, словен. *kláneč* ‘ущелье, проход в горах’ (ср. также *klanec ali strmec* ‘Steigung oder Gefälle’)⁷⁵, ‘дорога, круто поднимающаяся в гору’⁷⁶, *klanz* ‘дорога по краю’⁷⁷,

⁶⁴ Фасмер III, с. 668–669.

⁶⁵ RJA XV, с. 493, 533, 653, Schütz J. Op. cit., S. 26.

⁶⁶ Pleteršnik II, с. 509.

⁶⁷ SSJ IV, с. 114; PSJČ V, с. 355; Machek², с. 553; Šmilauer V. Op. cit., с. 159.

⁶⁸ Григорян Э. Указ. соч., с. 203.

⁶⁹ RJA XI, 50, с. 799; XI, 48, с. 26; Schütz J. Op. cit., S. 29; Skok III, с. 601.

⁷⁰ Krajevni leksikon Slovenije II. Ljubljana, 1971, с. 100.

⁷¹ Пјанка Вл. Указ. соч., с. 156.

⁷² Младенов М. Лексиката на ихтиманския говор. — БД III, с. 147.

⁷³ БТР

⁷⁴ Skok II, с. 88–89.

⁷⁵ Pleteršnik I, с. 401.

⁷⁶ Badjura R. Op. cit., с. 213.

⁷⁷ Jarnik U. Versuch eines Etymologikons der slowenischen Mundart in Inner-Oesterreich nach verläßlichen Quellen. Klagenfurt, 1832, S. 233.

резьян. *kl'anøts, na kl'antsø* 'kleiner berg'aster Hügel' ⁷⁸. По данным этимологических словарей, эта основа путем заимствования проникает в чешский, румынский: ср. чеш. *klanec* 'овраг, лощина', рум. *câlnic=colnic* < **clānic* 'широкая горная тропа', 'холм' ⁷⁹.

Очень выразительными представляются изолексы, связывающие диалекты южных и восточных славян. Они в стертом виде отражают следы языковых связей и генетических отношений диалектов до эпохи славянских миграций. К числу древних явлений, датируемых праславянской эпохой, следует, видимо, отнести изолексу **kröt-*, объединяющую словенский и диалекты восточнославянских языков. Словен. *diat. skrótina* 'большая скала' ⁸⁰ интересно тем, что является единственным ю.-слав. свидетельством этой основы в функции горного термина (ср. еще словен. *kröt* прил. 'крутой, стремительный' и *krotiti* 'поворачивать, крутить'). Восточнославянские языки шире представляют эту основу в географическом значении: ср. рус. *круча* 'яр, обрыв, утес, стена, скала', *кручи* 'горы, скалы, обрывы, пади' ⁸¹, бlr. *круча* 'высокое место, крутой берег, обрыв' ⁸², укр. *круча* 'крутой склон горы', 'пропасть', 'крутой берег', 'возвышенность', *скрут* 'недоступная вершина горы' ⁸³, вост. полесск. *круча* 'крутой берег реки' ⁸⁴. Специфическая изолекса, объединяющая западную окраину ю.-слав. пространства и восточнославянские диалекты, может быть свидетельством изначальной близости этих диалектов и подтверждением, таким образом, теории некоторых исследователей ⁸⁵ о том, что в заселении и освоении Восточных Альп принимали участие восточнославянские племена. Прерывистая изоглосса того же типа характеризует и слав. **skrbina/*ščrbina* в географическом значении. Эту основу в качестве названия горного рельефа представляют с.-хорв. *Штребина*, название горы ⁸⁶, словен. *skrbina* 'хребет, скала', резьян. *skerb'una* 'зуб скалы' ⁸⁷, макед. *диал. штреба* 'неровная гора', *Штребово* (с XVI в.), название села ⁸⁸, укр. *диал. щербина* 'углубление в скале', 'пропасть, глубокий овраг' (Львов., Хмельн. обл.) ⁸⁹. Семантическое сходство, как видим, наблюдается в диалектных зонах, разделенных большим пространством. Можно думать, что толчок к семантическому сдвигу 'трещина, зазубрина' → 'гора с острыми выступами' появился в эпоху славянских миграций, но в более полном виде

⁷⁸ *Kronsteiner O.* Op. cit., S. 129.

⁷⁹ *Machek²*, c. 251; *Skok II*, c. 88—89; *Smilauer V.* Op. cit., c. 91.

⁸⁰ *Pleteršnik II*, c. 500.

⁸¹ *Даль² II*, стр. 203.

⁸² *Яшкін І. Я.* Беларускія геаграфічныя назвы. Мінск, 1971, c. 98.

⁸³ *Марусенка М.* Указ. соч., c. 233, 249.

⁸⁴ *Толстой Н. И.* Указ. соч., c. 90, 100.

⁸⁵ *Bezlaj F.* Eseji, особенно гл. VII.

⁸⁶ *Караџић*, c. 877.

⁸⁷ *Pleteršnik II*, c. 622; *Kronsteiner O.* Op. cit., S. 129.

⁸⁸ *Планка Вл.* Указ. соч., c. 131—132.

⁸⁹ *Марусенка М.* Указ. соч., c. 254.

эта тенденция реализовалась в западной части ю.-слав. языков, откуда семантическая инновация проникла в территориально близкие македонские диалекты. Эпохой славянских миграций, по всей видимости, следует датировать и изоглоссу **sъklepъ/ *sъklopъ*, охватывающую в основном западную часть ю.-слав. языков и карпатские говоры украинского языка. Основа **sъklopъ*, соотносительная с слав. **klepati*, **klopъ*⁹⁰, в функции горного термина имеет ограниченное распространение; ее продолжают с.-хорв. *sklōp*, *sklōpa* ‘закрытое место, котловина’, ‘горная цепь’, *sklopine* ‘гряды гор’, топ. *Sklop*, название горы (Хорватия, Босния), *Sklopniaci*, название горной вершины⁹¹; словен. *gorski sklop* ‘горная цепь’⁹²; чеш. *klepy* ‘крутые отвесные горы или отвесные скалы’⁹³. Другую диалектную зону образуют укр. гуцульск. *склеп* ‘скалистое неприступное место’, *склепік* то же, *склепітє* ‘отлогий склон горы’⁹⁴, лемк. *na Sklepi*⁹⁵. Данная семантическая изолекса четко отграничиваются в общем ряду славянских образований с этой семантически емкой основой. О широте семантического диапазона слав. **klepъ/ *sъklepъ* говорят болг. диал. *клѣп* ‘клевета’, польск. *klepiec*, ст.-чеш. *klepec* ‘силки для птиц’, чеш. диал. *sklep* ‘подземная часть сруба’ и т. д.⁹⁶ Приведенные географические изолексы довольно определенно отражают один из основных потоков славянских миграций с востока на запад.

Трудно привести примеры географических изолекс, составляющих исключительную характеристику южных и западных славян. В сфере географической терминологии речь может идти о семантических соответствиях, рассеянных по всей славянской территории. Так, основа **коръсь*, производная от **kora* ‘копна’, развивает значение ‘холм, гора’ в разных частях славянского мира: ср. чеш. *korucs* ‘холм’, словац. *korucs* то же, и.-луж. *korcs*, *korcsa* то же, укр. диал. *копець*, блр. *канéц* то же⁹⁷ и ц.-слав. *копъцъ* ‘холм’⁹⁸, словен. *korica*, резьян. *кѣра* ‘вершина горы’⁹⁹ при лит. *kāpas*=лтш. *kaps* ‘насыпной холм’. Очень показательно, что в ряде случаев ю.-слав. языки оказались в стороне от общего процесса «горного» переосмыслиения славянских основ. Праслав. **bordlo* (производное с суффиксом *-dlo* от основы глагола **borti*) получает географическое значение ‘скала, утес’ в западной и восточной группах: ср. ст.-чеш. *bradlo* ‘утес’, словац. *bradlo* то же, укр. диал. *борбó* ‘расселина в скале’, *боролб* ‘скала’. Но это

⁹⁰ *Sławski II*, с. 208, 265—266.

⁹¹ RJA XV, 64, с. 245—246; Schütz J. Op. cit., S. 30.

⁹² Pleteršnik II, с. 490.

⁹³ Малько Р. Н. Географическая терминология чешского и словацкого языков (на общеславянском фоне). Минск, 1974, с. 26.

⁹⁴ Марусенко М. Указ. соч., с. 249.

⁹⁵ Stieber Z. Toponomastyka Lemkowszczyzny II, с. 68.

⁹⁶ См.: Machek², с. 546; Sławski II, с. 208.

⁹⁷ Sławski II, с. 461.

⁹⁸ Skok II, с. 144.

⁹⁹ Pleteršnik II, с. 434; Kronsteiner O. Op. cit., S. 129.

семантическое изменение не коснулось ю.-слав. языков: ср. болг. *брало* 'закол на воде'¹⁰⁰. По наблюдениям некоторых исследователей¹⁰¹, отсутствуют ю.-слав. соответствия для географического термина **grunъ*, представленного карпатаукр. *грунь* 'вершина горы', 'горный хребет', 'гора', словац. *grúň* 'гора', чеш. морав. *grun* 'склон' и т. д.

Как видим, названия горного рельефа не подтверждают те этногенетические построения, в которых образование ю.-слав. языков представляется как результат движения одного потока западных славян¹⁰². По всей видимости, западная половина ю.-слав. территории явилась областью объединения и смешения двух основных потоков славянских миграций, проходивших через Паннонию и Дакию. Паннонскую миграцию тоже, видимо, нельзя представлять себе в виде движения однородных славянских племен. Через Паннонию проходили предки словенцев, сербов, хорватов, здесь же были поселения и предков болгар¹⁰³. О том, что это был конгломерат самых разных племен, свидетельствуют и лексические изоглоссы. Исключительный интерес представляют немногочисленные, но очень важные в этом плане словенско-болгарские изолексы. Только на западной и восточной периферии ю.-слав. территории находим древнюю редуплицированную основу **molmolъ* (родственную **melti*) в значении 'бездна, яма, пропасть'¹⁰⁴: ср. словен. *tlamol* и болг. топ. *Мламол* (Брезнишко) от исчезнувшего апел. **мламол* с первоначальным значением 'нечто выдолбленное, разрытое'¹⁰⁵. В других славянских языках в близких значениях выступают образования иной структуры; ср.польск. *podmel* 'склон, откос', словен. *podmel* 'обрыв'¹⁰⁶, словац. *podmol* 'место, подмытое водой'¹⁰⁷ и т. д. Судя по направлению изоглоссных линий, словенский язык в основе своей не просто западнославянский диалект, продвинутый в северо-западном направлении и втянутый в сферу влияния ю.-слав. языков. Формирование словенского языка протекало, видимо, более сложным путем: исходная основа его складывалась из смешения разных славянских компонентов (западных, восточных и южных)¹⁰⁸ с преобла-

¹⁰⁰ ЭССЯ, вып. 2, с. 200—201.

¹⁰¹ Клепикова Г. П. О карпатаукраинской терминологии горного ландшафта. II. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика, с. 93—114.

¹⁰² См. Nalepa J. Op. cit.

¹⁰³ Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков, с. 76.

¹⁰⁴ Рукописные материалы Сектора болгарского этимологического словаря. София, Болгарская АН. Цитируется по работам Заимова (Славянская филология III, 1963, с. 303) и Дуриданова (ИИБЕЗ 5, 1957, с. 416). *Bezljaj. Eseji*, с. 126.

¹⁰⁵ Ср. в другом значении идентичное болг. диал. *мламолец* 'болезнь головы', см. Маринов — СбНУ 1901 XVIII, II, 1, с. 46.

¹⁰⁶ Nitsche P. Geographische Terminologie des Polnischen, 1964, S. 36.

¹⁰⁷ SSJ III, с. 138.

¹⁰⁸ Ramovš F. Op. cit., S. 218—238.

данием кайкавского диалекта, близкого чакавскому в праславянском языке.

Наряду с изолексами, дифференцированно характеризующими диалекты, представлены и общеюжнославянские обозначения горного рельефа. Исключительно ю.-слав. характер имеет основа *čuka 'гора, холм':ср. с.-хорв. *cūka* болг., макед. *чука*, *чукар* 'гора, возвышение', словен. *čuklja* 'круча в горах' (Посочье), 'скала', 'яма'¹⁰⁹. Много топонимических названий с этой основой: *Cukara*, название горы вблизи Белграда¹¹⁰, макед. *Чукар*, *Чукари*, *Чукарине*¹¹¹, болг. *Чукъловци*, *Чукарци*, *Васчукар* (Кюстендилско)¹¹², словен. *Cuki*, *Cuklja*, *Cuklje*¹¹³. Ю.-слав. *čuka, возможно, родственное русск. ряз. *чук* 'чуб', а также лит. *kaikaras* 'холм, гора', *čiūkaras*, *čiūkuras* 'вершина горы', др.-порв. *haugr* 'пригорок'¹¹⁴, является показателем диалектной дробности праславянского. Общеслав. *kъrn- 'короткий, изуродованный'¹¹⁵ выступает в «горном» значении преимущественно в ю.-слав. языках: ср. с.-хорв. диал. *krnjāk*, *krnjáka*, *krnjaš* 'eine Bergform', название горы *Krn*, *Krnjak*¹¹⁶, словен. *křn* ж. р. 'вершина горы, утес', топ. *Křn*, горная деревня, *Krnica*, *Ledinske Krnice*, *Idrske Krnice*¹¹⁷. На территории Болгарии название горы *Кърневица*, *Кърнев връх*, *Кърньов пряслан* (Средна-гора)¹¹⁸. В других языках засвидетельствованы лишь топонимы: ср. чеш. *Krnín*, *Krnovy*¹¹⁹, словац. *Krno*, *Krňovice*¹²⁰, польск. *Karniszewo*¹²¹. Такой же ю.-слав. семантической инновацией является использование основы *rъtъ с исходным значением 'выступающая часть предмета' (ср. др.-рус. *rътъ* 'острие', чеш. *ret* 'губа')¹²² в качестве обозначения возвышенности: ср. словен. *rt*, *rita* м. р. 'острие, вершина горы', *rtina* 'горная вершина'¹²³, с.-хорв. *rt* 'острие, вершина', *rtanj* 'конусообразная вершина горы', топ. *Rât*¹²⁴, болг. *rът* 'холм, возвышение', пирдоп. *rat*, *rът* м. и ж. р.

¹⁰⁹ ЭССЯ, вып. 4, с. 131.

¹¹⁰ Schütz J. Op. cit., S. 24.

¹¹¹ Пјанка Вл. Указ. соч., с. 152.

¹¹² Заимов Й. Заселване на българските славяни на Бълканския полуостров. Пrouучване на жителските имена в българската топонимия. София БАН, 1967, с. 62, 263.

¹¹³ Krajevni leksikon Slovenije I, с. 202, 232, 234.

¹¹⁴ Słownik prasłowiański II, с. 285.

¹¹⁵ Фасмер II, с. 330.

¹¹⁶ Schütz J. Op. cit., S. 22.

¹¹⁷ Krajevni leksikon Slovenije I, с. 73, 136, 409.

¹¹⁸ Заимов Й. Местните имена в Пирдопско, с. 196; Он же. Заселване на българските славяни, с. 145, 247.

¹¹⁹ Kott I, Dod., с. 743.

¹²⁰ Profous A. Místní jména v Čechách, II. Praha, 1949, с. 411.

¹²¹ Sławski II, 2, с. 155.

¹²² Фасмер III, с. 506—507; Lane G. S. Two slavic etymologies. — RS 1936, XII, p. 71.

¹²³ Pleteršnik II, с. 441—442.

¹²⁴ RJA III, с. 162; Schütz J. Op. cit., S. 26.

‘продолговатая стремнина’, топ. *Pamá*, *Pammá*¹²⁵. Сюда чеш. топ. *Rtyňe*, полаб. **R̄t-Rotten-Retowo*, русск. *свинорт* (**svinъ r̄tъ*)¹²⁶.

Нельзя пройти мимо узко региональных обозначений горного рельефа, для которых отсутствуют севернославянские соответствия. К числу таких местных новообразований можно отнести с.-хорв. *pr̄eslo* ‘долина между горами’ ‘возвышение между двумя горами’, назв. горы *Pr̄eslica* (Герцеговина) от **pr̄edslo*¹²⁷; словен. *skrânj*, -i ж. р. ‘стена или скала, под которой течет вода’,¹²⁸ при общеслав. **skornь* ‘висок, скула, челюсть’¹²⁹. С.-хорв. назв. горы *Skrobitnik* (Хорватия), *Skrebutnik*¹³⁰, возможно, косвенно свидетельствуют о географическом переосмыслении основы, родственной **skrebtī*. Семантический сдвиг в этом направлении отражает и словен. *škrabljâvica* ‘перовная поверхность; ухабистая, перовная дорога’,¹³¹.

Приведенный материал в таком ограниченном объеме служит самой общей основой для размышлений об этногенетических отношениях на Балканах. По семантическим инновациям, сопутствовавшим славянским миграциям, можно выделить несколько диалектных зон, которые сами по себе являются показателями определенной языковой и территориальной близости ю.-слав. диалектов в период заселения Балканского полуострова и Восточных Альп. Движение шло через Карпаты и Нижне-Валашскую низменность в южном и северо-западном направлении. Другая волна славян продвигалась через Паннонию в юго-западном и юго-восточном направлении. Севернославянские соответствия не дают надежных и достаточных оснований для заключений о преобладании западного или восточного компонента в ю.-слав. миграциях. Ю.-слав. периферия — область семантических инноваций разных эпох (в основном периода миграций и периода длительной постоянной жизни на Балканах) и область сохранения праславянских архаизмов. На ю.-слав. территории рассеяны праславянские диалектизмы **kolnъсь*, **golma*, **molmolъ*, **kręžъ*, **kręt-*, **sъklepъ* и др. с разной географией севернославянских соответствий.

¹²⁵ *Бернштейн С.* Болгарско-русский словарь. М., 1968, с. 589; *Заимов Й.* Местните имена в Пирдопско, с. 40, 243.

¹²⁶ *Smilauer V.* Op. cit., S. 155.

¹²⁷ RJA XI, 49, с. 710—711; *Iveković-Broz II*, с. 195 (с пометой: нет у Вука); *Schütz J.* Op. cit., S. 30.

¹²⁸ *Pleteršnik II*, с. 496.

¹²⁹ *Фасмер III*, с. 653.

¹³⁰ RJA XV, 64, с. 339.

¹³¹ *Pleteršnik II*, с. 633.